

Глава 4. Гость

Гневный женский вопль заставил гомонящую толпу мгновенно притихнуть. Все взгляды устремились на кричавшую.

На фоне иссохших, поджарых соплеменников эта женщина выделялась высоким ростом и дородным телосложением. Яростно уставившись на Чжао Ци, она громогласно запричитала:

— Из-за тебя у моего Шаня рот так распух и чешется! Ты сжить нас со свету вздумал?!

Она бесцеремонно вытолкнула вперед прятавшегося за ее спиной пухлого мальчишку. Губы ребенка заметно вздулись и покраснели, он жалобно хныкал, непрерывно скребя лицо обеими руками.

— Мама, мамочка, как же чешется! — завыл малец.

— Жрец Мин, этот чужак сплетничает и ищет, как бы нас извести! Эта дрянь, этот ямс, точно ядовитый! Иначе с чего бы моему Шаню так маяться? Сделай же что-нибудь, пусть у него все пройдет!

Лицо жреца помрачнело. Толпа вокруг испуганно загудела, люди торопливо попятились подальше от груды разложенных клубней. Чжао Ци, глядя на корчащегося мальчишку, в душе лишь злорадствовал, но виду не подал. Сохраняя абсолютное хладнокровие, он ровным голосом спросил:

— Вы что, ели его прямо там, пока выкапывали? Сырым?

Он почесал затылок с притворной озабоченностью:

— А мне показалось, жрец Мин велел разделить всю добычу поровну между соплеменниками... Или я что-то перепутал?

Услышав это, женщина по имени Хуа невольно отступила на шаг. В толпе тут же раздались сердитые выкрики:

— И правда, Хуа! С какой стати твой малец в одиночку рот разинул на чужое?

— Вот именно! Жрец ясно сказал — делить на всех!

Хуа, побагровев от злости, попыталась оправдаться:

— Да если бы мой Шань это не попробовал, мы бы и не узнали, что притащили в лагерь яд! Этот чужак точно хочет нашей смерти!

Чжао Ци лишь наигранно вздохнул. Мин тем временем одарил Хуа ледяным взглядом:

— Еда — это жизнь племени! Как ты посмела позволить своему щенку жрать втихаря, обделяя остальных?

— К тому же я еще не успел объяснить, как его правильно готовить, — примиряюще улыбнулся Чжао Ци. Он поднял один из клубней и с легким треском разломил его пополам. — В сыром виде ямс и правда опасен. Смерти не принесет, но зуд вызывает жуткий. Сами видите по паршивцу.

Чжао Ци обернулся к обступившим его дикарям:

— Принесите-ка огня!

Несколько человек вопросительно взглянули на жреца. Мин едва заметно кивнул, и вскоре к Чжао Ци поднесли тлеющие угли. Юноша быстро развел небольшой костер прямо посреди стоянки и бросил клубни в жаркое пламя. Вскоре над поляной поплыл дразнящий, сладковатый аромат печеного ямса.

Хуа, еще мгновение назад брызгавшая слюной от ярости, притихла и поджала губы. Ее сын, расцарапавший зудящие губы до крови, теперь безутешно ревел навзрыд. Слушая его плач, Чжао Ци, сидевший на корточках перед костром, едва заметно усмехнулся. В этот момент он случайно поднял взгляд и столкнулся глазами с кем-то, притаившимся в густых зарослях кустарника на краю поляны.

Кто-то внимательно следил за ним из темноты листвы, сверкая угольно-черными блестящими глазами... Неужели тот самый диковатый ребенок, которого он встретил днем?

Аппетитный запах становился все гуще, заставляя голодную толпу волноваться. Люди нетерпеливо перешептывались, гадая, каков этот диковинный корень на вкус. Кое-кто, впрочем, боязливо поглядывал на вспухшую мордашку Шаня и все еще сомневался. Жрец Мин хранил суровое молчание, сверля взглядом пристыженную Хуа.

Чжао Ци ловко выкатил пропекшийся, дымящийся ямс из золы веточкой и очистил его от обуглившейся кожуры. Отломив кусочек горячей, рассыпчатой мякоти, он посмотрел на жреца:

— Раз уж вы сомневаетесь, я сниму пробу первым.

— Чжао Ци... Ты открыл для нас этот источник сытости. Отныне ты желанный и почтенный

гость племени Дань, — торжественно произнес Мин. Затем его взгляд, холодный как лед, скользнул по Хуа, забившейся на край поляны. — Сегодня сын Хуа совершил кражу, посягнув на общую долю. За это их семья лишается сегодняшней добычи.

— О великий жрец! Пощади! — взывала Хуа, пав на колени. — Как же так?!

— Ох, кажется, мне здесь не особенно рады... — с притворным сокрушением протянул Чжао Ци. Он театрально вздохнул, опустив голову, и краем глаза снова скользнул по кустам. — Может, мне стоит поискать другое племя? Думаю, соседи не откажутся от даровой еды.

При этих словах Мин заметно занервничал, а столпившиеся вокруг женщины тут же заголосили наперебой, заискивающе заглядывая Чжао Ци в глаза:

— Чжао Ци, стой! Мы ведь не чета этой дуре Хуа! Мы верим тебе! Дай и нам попробовать этот ямс!

— Да какой там яд, парень же сам ест и нахваливает!

— Сразу было ясно, что Хуа просто захватить побольше хотела, пока охотники в лесу надрывались! Стыдобища!

Опозоренная Хуа густо покраснела от злости и стыда. Мальчишка под ее боком завыл еще громче, раздирая зудящую кожу. Не выдержав, женщина с досадой дернула сына за руку и отвесила ему увесистый подзатыльник.

Чжао Ци лишь усмехнулся, приподняв бровь. Несколько самых смелых женщин подошли ближе, и он протянул им по кусочку печеного ямса. Прожевав, они на мгновение замерли, а затем блаженно улыбнулись:

— Невероятно... До чего же вкусно! Сытно как!

Пока на поляне звенели восторженные возгласы, с окраины лагеря донесся звонкий детский крик:

— Охотники! Охотники возвращаются! Они завалили огромного вепря!

Всеобщее внимание мгновенно переключилось на приближающийся отряд. Возглавлявший процессию вождь Фэн шествовал с гордо поднятой головой. На плечах он и его помощники несли тушу кабана — матерого, ростом почти со взрослого человека. Толпа с радостными криками хлынула навстречу кормильцам.

Чжао Ци оглянулся на кусты, где прятался молчаливый наблюдатель. Помедлив, он аккуратно

очистил оставшийся клубень теплого ямса, бережно опустил его на широкие зеленые листья кустарника и лишь после этого неторопливо направился к толпе.

— Жрец! Сегодня Божество-Птица милостиво оберегало нас! Обошлось без ран, и посмотри, какую тушу мы добыли! — зычно рапортовал Фэн.

Люди ликовали. В этот момент одна из женщин гордо выкрикнула:

— А мы отыскивали целую гору сытного ямса! Его тоже можно есть, это Чжао Ци нас научил!

Услышав это, вернувшиеся с охоты мужчины уставились на кучу клубней, а затем с нескрываемым любопытством воззрились на самого юношу. Чжао Ци в ответ приветливо улыбнулся. Бегло осмотрев лагерь, он прикинул, что в племени Дань едва ли наберется больше шести десятков душ. Подавляющее большинство составляли крепкие молодые люди; стариков и детей здесь было наперечет.

Жрец Мин сухо кашлянул, призывая соплеменников к порядку. Гомон мгновенно стих. По заведенному обычаю, дележ добычи начинался сразу по возвращении охотников. Жрец жестом подозвал Чжао Ци, приглашая его встать по правую руку от себя.

— Внемлите мне, люди племени Дань! — звучно провозгласил Мин. — Отныне Чжао Ци — наш самый почетный гость. Мы разделим с ним кров пещер, тепло нашего очага и нашу пищу. Любое неуважение к нему будет караться мной лично и вождем Фэном!

Незнакомые с дневными событиями охотники удивленно переглянулись, но перечить слову жреца никто не посмел. Чжао Ци открыто и дружелюбно улыбался им, отчего суровые лесные воины даже немного смутились. Фэн внимательно взгляделся в лицо юноши и молча кивнул в знак согласия:

— Что ж, приступай к дележу, почтенный Мин.

Добыча охотников больше всего походила на упитанного дикого борова с жесткой щетиной и крепким, лоснящимся мясом. При мысли о сочном жареном куске у Чжао Ци невольно потекли слюнки.

Мин достал массивный, остро заточенный клык какого-то хищного зверя и ловким, привычным движением распорол тушу кабана. На землю хлынула темная густая кровь. Первые, самые сочные и крупные шмоты мяса жрец раздал уставшим охотникам. А затем, к удивлению юноши, громко выкрикнул его имя.

— Чжао Ци, твоя доля!

Тот торопливо принял увесистый кусок парного мяса. Подняв глаза, он заметил Сяо У, который

ободряюще подмигивал ему из толпы. Напряжение окончательно отпустило Чжао Ци, и он с облегчением улыбнулся в ответ.

Одарив добытчиков, жрец перешел к женщинам и старикам. Детям достались лишь жалкие обрезки. Печеный ямс Мин разделил по тому же принципу: львиная доля ушла тем, кто проливал кровь на охоте.

Чжао Ци прекрасно понимал эту суровую логику выживания: не накормишь молодых и сильных — завтра племя вымрет с голоду. И все же его радовало, что его собственная порция ничуть не уступала пайку лучшего охотника. Прижимая к груди добытую провизию, он поспешил вслед за уходящим вождем Фэном.

— Спасибо тебе, — не оборачиваясь, негромко произнес вождь. — Ты подарил нам новый источник пищи.

Чжао Ци весело хмыкнул:

— Пустяки, обычный обмен выгодой. К слову, у вас найдется для меня свободная пещера поприличнее?

Фэн привел его к самому краю стоянки, где темнел уединенный скальный зев.

— Здесь раньше жили наши люди... Но в прошлый сезон дождей их унесла лихорадка, так что теперь тут пусто.

У Чжао Ци от таких слов мороз пробежал по коже. Однако ночевать под открытым небом в незнакомом лесу хотелось еще меньше. Сжав зубы и потеряв озябшие плечи, он решительно шагнул под каменные своды:

— Ладно, сойдет. Только огоньку мне принесите, да побольше!

Внутри пещера оказалась абсолютно необитаемой: ни утвари, ни следов очага — лишь сиротливая кучка полусгнившей соломы в углу.

"Подумаешь, покойники! Я ведь убежденный материалист, в чертовщину не верю... Да мне вообще плевать! Живых надо бояться, а не мертвых!"

Вслух подбадривая себя дурацкими приговорками, Чжао Ци немного успокоился. Он сорвал охапку широких чистых листьев, аккуратно разложил на них ямс и кусок кабанины. Вскоре у входа показался Фэн. Следом за ним семенил Сяо У, согнувшись под тяжестью охапки сухих веток и поленьев. Вождь бережно перенес тлеющую головню в подготовленное для костра углубление.

— Спасибо, выручили, — искренне поблагодарил их юноша.

Сяо У сбросил дрова у входа, и Чжао Ци принялся усердно раздувать пламя, мысленно умоляя всех местных богов, чтобы костер не погас. Паренек явно хотел о чем-то расспросить гостя, но вождь Фэн, взглянув на стремительно темнеющее небо, пресек эти попытки:

— Собирается гроза. Сяо У, уходим.

Чжао Ци с грустным вздохом проводил их взглядами. Он-то надеялся расспросить местных жителей о здешних краях и хоть немного разобраться, куда его занесло. Но небо снова затянуло свинцовыми тучами, и по листьям зашуршал нудный, холодный дождь.

Юноша принялся к собственному вороту — одежда насквозь пропиталась едким потом и грязью. Терпеть это не было никаких сил. Быстро стянув с себя футболку и джинсы, Чжао Ци выскочил наружу и принялся торопливо полоскать их в глубокой дождевой луже у скалы.

Небеса словно только этого и ждали: ливень хлынул сплошной стеной. Забыв про стирку, парень подхватил мокрое шмотье и пулей влетел обратно под защиту каменного навеса.

— Ну и климат здесь, чтоб его! — проворчал Чжао Ци, устраиваясь на пороге пещеры.

Вокруг сгущались угрюмые сумерки — то ли из-за плотной завесы туч, то ли из-за наступающей ночи. От этого зрелища на душе становилось совсем тоскливо. Вернувшись к костру, он бросил в угли пару сырых клубней ямса, а мокрую одежду развесил на палках поближе к теплу.

Вскоре пещеру наполнил густой белый пар, смешанный с запахом дыма. Чжао Ци отыскал несколько длинных прочных прутьев, старательно насадил на них кабанину и приладил импровизированные вертела над огнем, периодически поворачивая мясо, чтобы оно не подгорело.

Он блаженно погладил живот. По крайней мере, сегодняшний день прошел куда лучше вчерашнего: спать он ляжет сытым.

Мысли его невольно вернулись к странному существу, которое он приметил под деревом. Малыш с длинным звериным хвостом... Проклятый человек? За стенами пещеры стеной шумел дождь, его монотонный рокот усыплял и путал мысли. Чжао Ци лениво перевернул шкворчащее мясо.

Поднявшись, он подошел к самому краю грота. Косые струи ливня приятно охладили кожу. Внезапно в прилегающих зарослях что-то зашуршало, и во тьме на миг блеснул крохотный изумрудный огонек светлячка, тут же растаявший в сыром воздухе. Чжао Ци негромко вздохнул:

— Эй, малец! — позвал он в темноту кустов. — Ливень на дворе, промокнешь ведь. Иди сюда, погрейся.

Он помолчал, вслушиваясь в шум воды, и добавил тише:

— Теперь это моя пещера. Обещаю, тебя никто не прогонит.

Чжао Ци постоял у входа еще немного. Холодный дождь орошал лицо мелкими брызгами, сырость проникала под кожу. Вокруг царило первозданное, глухое безмолвие, в котором не было ни единого звука привычной ему цивилизации. Эта тишина внезапно всколыхнула в памяти далекое детство: приют, темный коридор, скрип половиц и точно такой же беспросветный ливень за окном, когда он, маленький и никому не нужный, стоял у порога и смотрел в темноту.

Тогда даже обычный раскат грома мог напугать его до полусмерти.

Шорох в кустах повторился, уже ближе. Чжао Ци тепло улыбнулся. Чтобы не спугнуть гостя, он молча отступил вглубь пещеры, освобождая проход у входа, и уселся на свое место у костра, делая вид, что полностью увлечен готовящимся ужином.

Вскоре у порога слышались робкие, тихие шаги. Краем глаза он уловил, как в пещеру скользнул маленький темный силуэт.

Повернув голову, Чжао Ци увидел застывшего на входе мальчугана. Тот испуганно поджимал сломанный хвост и затравленно смотрел на человека. В полумраке его круглые черные глаза влажно блестели, отражая пляшущие языки пламени.

<http://bllate.org/book/18215/1746648>